

Е.В. ВАСИНА

(Компания «Альтком»,

г. Донецк, Украина)

УДК 81'42

ББК Ю2/3

ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЙ В МАСС-МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: В статье рассматриваются механизмы использования языковых игр для текстуализации жизни в масс-медийных текстах. Доказывается, что языковые игры выполняют роль сценариев текстуализации жизни, а готовые штампы и фоновые знания реципиентов используются для создания, развития и закрепления новых сценариев. Отмечается, что параллельная реализация разных сценариев текстуализации одного и того же события приводит к созданию многомерного, децентрализованного масс-медийного феномена.

Ключевые слова: текстуализация, языковая игра, сценарий

Текстуально красивые люди.

– Человек одного романа.

Одного стихотворения.

Одной SMS-ки.

Слова, использованные в качестве эпиграфа, принадлежат одному из авторов «Живого журнала»¹. Подобные интернет-сайты, наравне с социальными сетями, представляют собой тотальную текстуализацию действительности. Здесь человеческая жизнь полностью воплощена в тексте, начиная с анкеты пользователя и заканчивая ежедневными заметками, фото и видеоматериалами. Важной особенностью такой жизни в сети является интерактивность и общедоступность. Глубоко личностные переживания становятся публичными, но в тоже время являются частью некой маски/масок, изначально искусственно создаваемого образа. Текст жизни пишется/создается в виртуальном пространстве, где каждый может обратиться к автору или его маске/маскам, вступить в спор или поддержать их, но практически не может влиять на них непосредственно физически.

Автор «живого журнала» и подобных ему явлений Сети волен создавать собственную картину мира и жизнь, ее бесконечные варианты, ограниченные только собственной фантазией. Российская исследовательница В. Мансурова пишет о такой сущности современных СМИ

¹ <http://kachamkin.livejournal.com/697138.html> [дата доступа 18.11.2012].

следующее: «все субъекты коммуникационного взаимодействия вынуждены постоянно позиционировать себя: индивидуализировать, вырываясь из схождения и анонимности, и в то же время «придумывать» различные семиотические формы, усложнять сигнификацию для анонимности своего участия в информационном процессе»². Эта мысль российской исследовательницы во многом наследует и развивает общеметодологическую идею П. Бурдьё о том, что СМИ, пытаясь создать свою картину мира, «...копируют друг друга, чтобы опередить других, быть раньше других или сделать что-то отличное от других, в итоге получается, что все делают одно и то же. Поиск эксклюзивного, который в других сферах порождает нечто оригинальное и единственное в своем роде, здесь приводит к единообразию и банализации»³. Эту общую закономерность, обозначенную П. Бурдьё, поддержанную В. Мансуровой, воплощают даже обычные современные люди, превращая себя в масс-медийных существ. Когда они трансформируются в масс-медийный текст, то в то же время теряют свою эксклюзивность, становятся семиотически-банальными и стереотипными даже в трагедии. Это происходит потому, что для текстуализации жизни активно используются уже готовые штампы, чужие тексты и цитаты, которые важны и общепонятны для массового реципиента. Автор сообщения в пространстве масс-медиа постоянно реализуется через языковую игру, когда, с одной стороны, стремится быть индивидуальным, а с другой – использует готовые формы и сценарии. Набор сценариев остается почти устойчивым, но в каждом конкретном случае усложняется определенными обстоятельствами.

Более того, в СМК происходит поглощение и трансформация не только человека, но и всех реалий культуры, почти без исключений. Как отмечает В. Мансурова, очерчивая проблемы журналистской картины мира, «...накопленные системой образы, символы и знаки оказались самодостаточными для воспроизводства и организации в качестве мнимой, или виртуальной, реальности»⁴. Форма, которую приобретает событие или даже факт вследствие текстуализации в СМК, крайне типизируется. И П. Бурдьё, и В. Мансурова говорят о круговороте информации, об эффекте коммуникативной деятельности в журналистике, который заключается в том, «...что создаются реальности, схема-

² Мансурова В. Журналистская картина мира как становление медиасобытий // Вестник МГУ. – 2002. – № 6. – С. 107.

³ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. – М., 2002. С. 34.

⁴ Мансурова В. Журналистская картина мира как становление медиасобытий // Вестник МГУ. – 2002. – № 6. – С. 103.

тизирующие различные модусы бытия человека и окружающей его действительности»⁵. При этом речь, понимаемая в широком смысле, играет одну из ведущих ролей в коммуникативной деятельности.

О том, что языковые значения связаны с контекстным употреблением слов в процессе той или иной деятельности, писал еще Л. Витгенштейн и называл такие устойчивые формы языковыми играми. Если экстраполировать эту мысль на масс-медийные тексты, то получается, что каждому из СМК присущ особый набор языковых практик, который, с одной стороны, обусловлен тематикой, периодичностью, целевой аудиторией и другими характеристиками издания, а с другой, использует общие масс-медийные, устоявшиеся и общезначимые сценарии. В рамках этих сценариев действуют такие же устойчивые и общепринятые характеры, которым свойственны определенные языковые характеристики. В связи с этим исследователи отмечают повышенную роль языковых игр в масс-медийном тексте, когда они понимаются в широком смысле. Как известно, Л. Витгенштейн называл языковыми играми целостные и законченные системы межличностной коммуникации, которые подчиняются своим внутренним правилам и соглашениям.

В масс-медийном тексте с помощью различных тактик и стратегий языковых игр могут быть созданы и использованы различные сценарии, которые репрезентируют одно и то же событие. В современных СМК эта тенденция все более активизируется. Так, каждое СМК, имея собственную целевую аудиторию и во многом определяемую ею тематику и проблематику, воспроизводит свой «сценарий мира», который строится и живет по законам специфических языковых игр. С целью проследить развитие современных стратегий текстуализации жизни в СМК нами была выбрана история Наташи Кампуш. Она, по нашему мнению, – переходное, промежуточное явление между традиционными масс-медийными явлениями и новейшими, сетевыми. В 2006 году эта история стала достоянием почти всех мировых СМК. Она воплотилась в самые разнообразные по жанровым и стилистическим характеристикам, откровенно противоречивые по проблемной и тематической представленности, масс-медийные тексты.

Хроника событий дела Наташи Кампуш, получившая константное фактическое воплощение в ведущих мировых СМК, выглядит следующим образом:

⁵ Мансурова В. Журналистская картина мира как становление медиасобытий // Вестник МГУ. – 2002. – № 6. – С. 105

02.03.1998 г.: в Венском районе Донауштадт по дороге в школу исчезает десятилетняя школьница Наташа Кампуш.

Середина 1998 г.: в процессе поисков полиция задерживает 36-летнего Вольфганга Приклопила, но отпускает его в связи с недостаточностью доказательств.

2001 г.: Мартин Вабль, который выдвинул себя кандидатом на президентский пост, представляет собственную версию произошедшего. По его теории, мать Наташи связана с теми, кто украл девочку. Бригитта Сирни, мать Кампуш, подает в суд на политика за клевету и выигрывает дело.

2004 – 2006 г.: поиски Наташи Кампуш время от времени возобновляются.

23.08.2006 г.: в предместье Вены – Штрассхофе – появляется молодая женщина, которая утверждает, что она и есть Наташа Кампуш. Похититель Наташи, 44-летний Вольфганг Приклопил кончает жизнь самоубийством, бросившись под поезд венской электрички.

25.08.2006 г.: анализы ДНК подтверждают личность Наташи Кампуш.

27.09.2006 г.: в газетах появляются первые фотографии комнаты Наташи Кампуш размером 3x4 м., которая находилась под гаражом.

01.09.2006 г.: журналисты и психологи, которые столкнулись с Наташей лично, подчеркивают высокий уровень ее образованности и начитанности. В прессе распространяется «Письмо к общественности», написанное Наташей Кампуш.

02.09.2006 г.: министр юстиции Австрии Карин Гастингер, потрясенная случаем Наташи Кампуш, планирует изменить законы, устанавливающие наказание за похищение людей.

06.09.2006 г.: Наташа дает первое телевизионное интервью.

10.09.2006 г.: адвокаты Наташи Кампуш заявляют о том, что она собирается предъявить права на дом Приклопила в Штрассхофе в качестве возмещения ущерба за моральные и физические страдания.

12.09.2006 г.: в конце сентября Наташа выезжает в собственную квартиру.

Декабрь 2006: публикация книги «Девочка в подвале: история Наташи Кампуш», написанная Михаэлем Ляйдигом и Аланом Хилом без участия Наташи.

История Наташи Кампуш изначально носила общегосударственный и даже общенациональный характер, она повлияла на политические события и заставила пересмотреть действующее законодательство. Подобную популярность именно делу Наташи, на наш взгляд,

обусловила особая стратегия текстуализации событий, которая с самого начала носила ярко выраженный прагматический медийно-ориентированный характер. Так, в статье «Клятва девочки», которая переведена деловым журналом «Профиль» из журнала «DER SPIEGEL»⁶, подробно описывается процесс моделирования образа Наташи Кампуш приглашенными ею специалистами: «Эккер – мастер своего дела. Он знает, как функционируют СМИ. Он берет лист бумаги, проводит горизонтальную линию, наносит пять делений – от нуля до четырех. Ноль означает день побега, а четыре – конец четвертой недели после побега. «Как правило, здесь интерес СМИ сходит на нет», – говорит Эккер, основываясь на своем опыте организации предвыборных гонок. Механизмы, по его словам, всегда одни и те же. Внимание людей к любой сенсации растет и угасает одинаково. Между отметками «два» и «три» он рисует круг. Процесс формирования общественного мнения протекает между второй и третьей неделями, это знаковая фаза. В этом промежутке сложится суждение о личности Наташи Кампуш, решится, симпатична ли она людям, нравится ли ее образ, ставят ли они себя на ее место, принимают ли ее»⁷. Далее выделяются моменты, которые необходимо исправить специалистам: «Так, газеты писали, что Наташа не любит свою мать Бригитту Сирни, урожденную Кампуш, и не хочет с ней разговаривать, а тем более вместе с ней жить. Людям же нравятся дети, испытывающие привязанность к своим родителям. Но Эккер считает, что еще не поздно все исправить»⁸. Из этого фрагмента статьи видно, что механизмы текстуализации хорошо уже изучены, разработаны так называемыми «специалистами по скандалам» и активно применяются на практике.

Стоит отметить, что в биографической книге Н. Кампуш не упоминается факт привлечения ею специалистов по масс-медиа, более того, акцентируется нежелание выступать в СМК: «Воспоминания о судебном процессе Дютру все еще не стерлись из моей памяти. Я знала, что ни в коем случае не хочу быть выставлена напоказ так же, как жертвы этого преступления. Я восемь лет была жертвой и не хотела оставшееся время жизни провести как жертва. В голове складывалось четкое представление, как нужно вести себя с массмедиа. Естественно, предпочтительнее, чтобы меня просто оставили в покое»⁹. В той же

⁶ Зандберг Б., Краске М., Рор М. Клятва девочки // http://www.profile.ru/items_20131 [дата доступа 18.11.2012].

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Кампуш Н., Гронемайер Х., Мильборн К. Наташа Кампуш. 3096 дней // <http://lib.rus.ec/b/275047/read> [дата доступа 18.11.2012].

книге описывается, как после освобождения Н. Кампуш делала все возможное для того, чтобы ограничить информацию, поступающую в СМК из других источников, и самостоятельно выбирать издания для интервью.

В результате активной позиции Н. Кампуш в работе с СМК, происходит трансформация уже традиционного сценария «маньяк – жертва». При построении этого сценария активизируется образ Н. Кампуш как личности, а не Приклопила, что было бы традиционным для СМК. Обычно в масс-медиа подробно рассматривается и даже мифологизируется именно образ преступника, то есть того, кто выполняет активную роль, совершает действие, а жертвы, как правило, остаются на заднем плане (например, образы А. Чикатило, Т. Банди, Д. Берковица и другие получили именно такое воплощение в СМК). В истории с Н. Кампуш мы изначально видим обратную тенденцию. Образ девочки строится по схеме нехарактерной для описания жертв насилия. Например: «Сейчас (первое интервью Наташи после побега телеканалу “ОРФ”) перед телекамерами появилась чуть ли не голливудская красавица: макияж, маникюр, непослушные волосы спрятано под платок», или «она органично смотрится на телеэкране»¹⁰, или «вот уже разобраны все утренние газеты, где на первой странице полненькая мордашка, несколько не похожая на изможденную в неволе девушку, похищенную страшным педофилом»¹¹. Подобные характеристики формируют такой сценарий отношений насильник – жертва, который задает, по своей сути, принципиально нетрадиционное, восприятие образа Н. Кампуш: образа не жертвы, а популярной, известной персоны.

Вполне можно говорить, что с самого начала формируется самостоятельный, сценарий – «Наташа Кампуш». В текстах о ней не используются номинации «бедная», «покорная», «несчастливая» и т.п. Напротив: «В голосе девушки появляются стальные нотки»¹², «“Я научилась терпеть боль”, – рассказывает Наташа»¹³, «Дальнейшая беседа с девушкой наталкивает телезрителей на мысль, что девушка неплохо развита умственно, да и физически, а поэтому кроме нравственных мучений ей, к счастью, других страданий страшный маньяк не

¹⁰ Андреев Б. Наташа Кампуш, жертва маньяка: «Если бы у меня Был топор, я бы его убила» // <http://www.kp.ru/daily/23773.3/57324/> [дата доступа 18.11.2012].

¹¹ Наташа Кампуш, похищенная 8 лет назад, дала свое первое интервью // <http://www.mujane.ru/news/text/?id=3891> [дата доступа 18.11.2012].

¹² Андреев Б. Наташа Кампуш, жертва маньяка: «Если бы у меня Был топор, я бы его убила» // <http://www.kp.ru/daily/23773.3/57324/> [дата доступа 18.11.2012].

¹³ Караваев Н. Наташа Кампуш: Рождество спасло мне жизнь // <http://www.utro.ru/articles/2006/12/15/610317.shtml> [дата доступа 18.11.2012].

доставлял...»¹⁴. Похититель в основном описывается вполне традиционно: «На вид совсем не похож на маньяка», «соседи в один голос утверждали, что Вольфганг – милый человек, о котором они знают все и который, разумеется, не может быть замешан в чем-то предосудительном. Кроме того, по мнению одного из соседей, он был геем, поскольку никто и никогда не видел его в обществе женщин»¹⁵. Этим практически и исчерпываются описания Приклопила.

С другой стороны, присутствует и противоположная стратегия текстуализации, например, в некоторых публикациях создан более традиционный образ жертвы, который актуализируется вполне тривиальным сценарием «насилник – жертва»: «Я должна есть каждые два часа, чтобы восстанавливать кровяное давление, и постоянно ходить по врачам, – говорит Кампуш. – И я постоянно вывихиваю ноги. Так, что даже с кровати встать не могу»¹⁶. Журналисты отмечают, что Наташа поправилась, у нее седые волосы, и она с трудом ходит. Таким образом, создается многомерный и в то же время децентрированный образ девушки, который невозможно воспринимать однозначно. Для сравнения можно привести описание Фусако Сано, также похищенной маньяком. В этом случае оценка однозначна и более соответствует традиционным представлениям о жертве маньяка и длительном насилии над личностью: «...от Фусако остались кожа да кости, она заикалась и практически не могла ходить. Ее кожа имела мертвенно бледный цвет. Девушка выздоровела физически, но психические последствия того ужаса не были преодолены и через пять лет после освобождения»¹⁷.

Процесс децентрации изначально создается, активизируется и самой Н. Кампуш: «Я не жалею об этих восьми годах. Конечно, я понимаю, что у меня не было нормального детства или юности, но, по крайней мере, я не начала курить и не связалась с дурной компанией...»¹⁸. В то же время она рассказывает о том, что мечтала отрубить Приклопила голову. Девушка разрушает традиционный образ жертвы

¹⁴ Наташа Кампуш, похищенная 8 лет назад, дала свое первое интервью // <http://www.mujane.ru/news/text/?id=3891> [дата доступа 18.11.2012].

¹⁵ Пряничкин К. Австрийская пленница // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=702182> [дата доступа 18.11.2012].

¹⁶ Караваев Н. Наташа Кампуш: «Рождество спасло мне жизнь» // <http://www.uto.ru/articles/2006/12/15/610317.shtml> [дата доступа 18.11.2012].

¹⁷ Шнеппен А. Наташа из Ниигаты // <http://www.inopressa.ru/faz/2006/08/28/14:57:18/natasha> [дата доступа 4.12.2007, на сегодня архивы Инопрессы за 2006 год удалены].

¹⁸ Пряничкин К. Австрийская пленница // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=702182> [дата доступа 18.11.2012].

и тем, что через год после освобождения фотографии снимают ее танцующей в ночном клубе с молодым человеком, тогда как и журналисты и психологи были уверены, что: «Кампуш, которая пропустила свое первое юношеское увлечение, первый поцелуй, первое свидание и первый танец, не сможет построить нормальных отношений с женщиной»¹⁹. Н. Кампуш расшатывает традиционные представления о жертве сознательно: «Я переживаю смерть Вольфганга... Он был частью моей жизни, поэтому можно сказать, что я его оплакиваю. Он заботился и был внимательным ко мне, хотя в то же время и относился ко мне как к мусору...»²⁰. Наташа утверждает, что они отмечали вместе праздники, и Приклопил делал покупки по составленным ею спискам.

Закрепление различных сценариев текстуализации жизни Н. Кампуш, ее мифологизация происходят также благодаря актуализации различных образов из литературы. «Внезапно британский писатель Джон Фаулз оказался в центре внимания беспокойного журналистского сообщества, пишет “Die Welt”. Повсюду можно встретить рекламу его полузабытого романа 40-летней давности “Коллекционер”. Ведь, возможно, именно он вдохновил похитителя Наташи Кампуш, Вольфганга Приклопила. Сходство и в самом деле поразительно. Так же педантично, как и Приклопил, свое преступление готовит фиктивный “коллекционер” Фредерик Клегг»²¹. Это наиболее прямая отсылка к литературному произведению, которое даже пережило всплеск роста продаж благодаря похищению Н. Кампуш. Менее ярко выражены связи с романом В. Набокова «Лолита»: «Как утверждает один из полицейских, проводивших расследование, Наташа и ее похититель последнее время жили, как муж и жена: начиная от интимных отношений и кончая совместной работой по дому. А это уже история в духе “Лолиты” Набокова»²². Сравнение с Лолитой явно разрушает сценарий «жертва – маньяк», поэтому встречается в текстах о Н. Кампуш значительно реже.

Закрепление сценария, который развивался в СМК, происходит в биографической книге «Наташа Кампуш. 3096 дней», которая вышла в

¹⁹ Жертва маньяка Наташа Кампуш наверстывает упущенное в клубах // <http://www.ladativ.ru/zhertva-manyaka-natasha-kampush-naverstyvaet-upushhennoe-v-klubax/> [дата доступа 18.11.2012].

²⁰ Пряничкин К. Австрийская пленница // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=702182> [дата доступа 18.11.2012].

²¹ Роман Джона Фаулза вдохновил на преступление похитителя Наташи Кампуш // <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=21499> [дата доступа 18.11.2012].

²² Андреев Б. Наташа Кампуш, жертва маньяка: «Если бы у меня Был топор, я бы его убила» // <http://www.kp.ru/daily/23773.3/57324/> [дата доступа 18.11.2012].

2010 году. В произведении явно актуализируется образ жертвы, оно наполнено описаниями физического насилия и унижений. Н. Кампуш пытается обосновать, почему имея достаточно много шансов на побег, она так и не решилась сделать это до 18 лет. В тексте также присутствуют упоминания различных литературных произведений – «Алиса в стране чудес», сказки братьев Гримм, а также фильм «Плезанвилль», все они призваны подчеркнуть состояние инобытия, пребывание в искусственном, нереальном мире, надежно укрытом от реальной жизни. Как и в материалах прессы, в книге образ похитителя неглубокий, упрощенный, даже примитивный, в некоторых аспектах переключается с образом Фредерика Клегга из романа Дж. Фаулза «Коллекционер». Образ самой Наташи также получился противоречивым, основанным на штампах, без динамики развития из 11-летней девочки в 18-летнюю женщину. Попытки создать образ сильной личности и одновременно жертвы, которая 8 лет не могла покинуть плен, приводят к различным противоречиям в повествовании. Так, Н. Кампуш говорит о том, что похититель пытался сломить ее как личность, запрещая вспоминать свое прошлое, называть себя именем Наташа, морил голодом для ослабления сопротивления и физически наказывал за любое неповиновение. В то же время, девушка утверждает: «Похититель не был типом, ведущим осторожную игру – он открыто и откровенно хотел властвовать. В тени этой власти, предписанной мне, как это ни парадоксально звучит, я смогла в первый раз в жизни стать самой собой. Косвенным доказательством этого служит для меня сейчас тот факт, что с момента похищения я больше никогда не имела проблем с энурезом. Несмотря на то, что я была подвержена нечеловеческой нагрузке, с меня, похоже, свалилась определенная доля стресса»²³. Стоит предположить, что данная стратегия текстуализации будет продолжена в фильме о Н. Кампуш, выход которого намечен на 2013 год.

Наташа Кампуш изначально откровенно выстраивает свою жизнь по канонам шоу-бизнеса. Девушка выбирает киностудию, которая снимет фильм о ней и даже подбирает актрису на роль себя. Кроме того, она сообщает, что вела дневник, который станет основой для сценария и книги. Она работает телеведущей, имеет собственный сайт, активно занимается благотворительностью. Все это больше соответствует сценарию «публичная персона», а не «жертва маньяка». В случае с Н. Кампуш, простой женщиной, не публичной персоной, прагматический и масс-медийный аспекты явно выходят на первый план. При

²³ Кампуш Н., Гронемайер Х., Мильборн К. Наташа Кампуш. 3096 дней // <http://lib.rus.ec/b/275047/read> [дата доступа 18.11.2012].

этом привычное этическое поле жертвы, сформированное СМК, тоже с самого начала разрушается.

История Н. Кампуш, подчеркнем еще раз, с самого начала превращена в медиасобытие, точнее даже, в самостоятельный текст. Она настолько повлияла на общественное мировое мнение, что имя Н. Кампуш стало нарицательным. Довольно часто описание событий, произошедших уже непосредственно с Н. Кампуш, дополняется набором подобных случаев в Европе, Америке, России. Однако чаще они выступают лишь фоном или, другими словами, бэкграундом. Этот бэкграунд, с одной стороны, призван показать актуальность проблемы, ее характерность, повторяемость, обычность в повседневности. А с другой стороны, он показывает, насколько история Н. Кампуш отлична от других. При этом бэкграунд играет роль не просто общего фона, призванного продемонстрировать масштабность происходящего, и привлечь к нему общественное мнение. Проблема сложнее. Понятие бэкграунда, которое разрабатывал Дж. Серль, подразумевает набор интенциональных состояний, т.е. таких, которые не направлены на что-то определенное, они противоположны интенциональным состояниям – состояниям сознания, которым присущ определенный смысл. Как отмечает И. Шмерлина, категория Background соотносится с «предпосылочными» условиями. Текст, который создается в результате сознательной и целенаправленной текстуализации, выстраивается согласно определенным «правилам», которые сформированы и активно продолжают формироваться бэкграундом уже на уровне сознания повседневности, они делают текст объемным. Именно в этом смысле история Н. Кампуш аккумулирует в себе истории жертв насилия. При этом аналогичные истории «маньяк – жертва» уже текстуализуются на основе созданного сценария «Н. Кампуш» и получают свой смысл не столько от жизни, сколько от других текстов СМК. В свою очередь, эти тексты добавляют тексту «Наташа Кампуш» необходимую основу.

Проанализировав стратегии текстуализации событий жизни Н. Кампуш, мы пришли к выводу, что в данном случае можно говорить о формировании нового типа сценария «маньяк – жертва», или даже правильнее сказать «жертва – маньяк», когда жертва не просто выступает на равных с насильником, но и стирается сама граница между двумя образами, которые традиционно противопоставляются. Можно даже говорить, что жертва в этой ситуации становится победителем, но это не классическая победа добра над злом, а победа нового типа сознания над старым. Н. Кампуш создает такой сценарий своей жизни, в котором она одновременно и жертва маньяка и «звезда», популярная личность. Новое «золотое дно» – так называли ее историю журналисты.

Этот новый сценарий формируется и развивается на основе уже готовых форм и активно использует фоновые знания, которые помогают укоренить его в сознании аудитории и создать многогранный образ главной героини. Этой же цели служат языковые игры, которые рассматриваются в витгенштейновском широком смысле. Так, необычный сценарий «жертва – маньяк» дополняется вполне традиционным «публичная персона», что приводит к децентрации массового сознания. На наш взгляд, акцент именно на последнем сценарии говорит о том, что разрушение традиционного образа жертвы происходит вполне осознанно и целенаправленно. Управлять этим процессом позволяет, как уже отмечалось выше, использование устойчивых форм и фоновых знаний.